

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Шерр

СБЕЖАТЬ ОТ ШЕЙХА

Восточные повелители

Анастасия Шерр

Сбежать от шейха

«Автор»

2023

Шерр А.

Сбежать от шейха / А. Шерр — «Автор», 2023 — (Восточные повелители)

Кто-то зажимает мне рот, приставляет к горлу нож. Скользит лезвием по шее, и я узнаю его. Мужчину, который меня удерживает. Его запах, прикосновения, холод лезвия в его руках... Да, это Он. Пришёл за тем, что принадлежит ему.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	14
ГЛАВА 6	16
ГЛАВА 7	18
ГЛАВА 8	20
ГЛАВА 9	22
ГЛАВА 10	24
ГЛАВА 11	26
ГЛАВА 12	28
ГЛАВА 13	30
ГЛАВА 14	32
ГЛАВА 15	34
ГЛАВА 16	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анастасия Шерр Сбежать от шейха

Кто-то зажимает мне рот, приставляет к горлу нож. Скользит лезвием по шее, и я узнаю его. Мужчину, который меня удерживает. Его запах, прикосновения, холод лезвия в его руках... Да, это Он. Пришёл за тем, что принадлежит ему.

ГЛАВА 1

– Ну что же ты, милая, ничего не съела? Опять тошнит? – тетя Глаша заботливо приобнимает меня, заглядывает в глаза. – Или думаешь снова о нём? – «о нем» тетя знает немного. Лишь в общих чертах и без подробностей. Не хотелось её травмировать своими рассказами наложницы. Здесь я свободна. Здесь я просто гражданка своей страны. Здесь я не жена шейха.

Да и жена ли я теперь вообще? Ведь я оставила его и всё что было или могло быть у меня там. И только частичку забрала с собой. Маленькую, пока ещё незаметную совсем.

– Тошнит, – ответила я, отворачиваясь к стене. Было больно. Больно думать о Нём, больно вспоминать моменты проведённые вместе. Больно дышать, потому что я, кажется, совершила ошибку.

– Тебе бы гинекологу показаться. На учёт встать, – вздыхает тетя Глаша, а я, горько улыбувшись, закрываю глаза.

– Позже. Обязательно встану, – обещаю и снова вру.

– Ох ты ж бедная... – выдыхает тетя, а я крепче обнимаю себя руками. По возвращении домой всё время мёрзну. Не помогает ни одежда, ни тёплый плед. Только травяной горячий чай тёти Глаши и согревает.

– Теть Глаш, завари чаю своего, а? Так холодно.

– Конечно, милая, сейчас, – она убегает на кухню, а я, собравшись с силами, встаю с кровати и подхожу к окну. Там льёт как из ведра, вспышки молний и грохот раскатистого грома. Гляжу на своё отражение в окне, и на глаза наворачиваются слёзы.

Почему так плохо? Почему так больно? Я же всё сделала правильно. Усыпила внимание похитителя и сбежала. Я вернулась домой, радоваться надо, но мне почему-то невесело.

Снова звонит телефон, который мне дали вызволители. Не хочу отвечать, не хочу говорить с психологами, не хочу давать интервью. Хочу, чтобы все они оставили меня в покое. Я всё равно не скажу на камеру его имя. Не смогу произнести его.

– Ответишь? – тетя Глаша ставит передо мной чашку с чаем, садится рядом и обнимает за плечи.

– Нет.

– Они же тебя спасли. Хоть по телефону поговори. Да и Дмитрий каждый день мне звонит, спрашивает, как у тебя дела. Волнуется.

– Они не меня спасли. Они свой карьерный рост спасают. А Дмитрий... Да, он хороший, наверное. Но мне с ним говорить не о чем. Все они во мне жертву видят.

– Может и так, Ириш, но когда я бегала по инстанциям и стучала в закрытые двери, они одни откликнулись. Они спасли тебя из плена.

Закрываю глаза.

– Хорошо, я дам интервью. Но называть его имя не буду, – обещаю скорее себе.

– Как это не будешь, Ира? Он тебя в плену держал и кто знает, что ещё творил. А теперь ты вот беременна. Это же всё он с тобой сделал!

– Он. Но его имя я называть не буду, – повторяю упрямо.

Тетя Глаша вздыхает, отчего её полная, мягкая грудь колыхается.

– Ну хорошо, котёнок. Ладно. Поговори с ними и пусть отстанут. Тебе сейчас о себе подумать бы. Исхудала, осунулась, щеки вон впали. Ты ребёночка-то, надеюсь, оставишь? Он же не виноват ни в чём...

– Оставляю, тетя Глаш. Только он у меня от него и остался, – крепко зажмурилась, пытаюсь удержать слёзы.

– Так ты с ним по собственной воле была? Мне сказали, тебя тогда из гостиницы выкрали.

– Я не хочу сейчас об этом, тётя Глаш. Давай просто забудем, – попросила её, осознавая, что сама забыть не смогу никогда.

Он меня отпустил. Позволил сбежать. Почему? Почему не вернул, как делал это раньше? Почему позволил мне улететь?

Ни на один из этих вопросов у меня нет ответа. Как нет и облегчения, что удалось сбежать. Стоило ли оно того. Этих слёз, что душат меня ежедневно. Этой боли в грудной клетке, мешающей дышать.

Интервью я всё-таки дала. Ответила на их идиотские вопросы за исключением имён и местности. Произносить имя шейха и название города я отказалась, но они и не настаивали.

Моё лицо на выпуске передачи заблюрили ради моей же безопасности. Нас с тётей Глашей отправили в другой город. Мы не сопротивлялись. Особенно я, превратившаяся морально в овощ. Я так тосковала по тому, от кого сбежала, что было уже всё равно, где скрываться и как. Я не видела в этом смысла.

Фонд помощи таким, как я, о нас позаботился. А те украшения, что были на мне в день побега, я сняла и спрятала в тётину шкатулку. Едва ли я надену их ещё раз.

Устроиться на работу было сложнее всего. Переводчики требовались везде, где можно, только я не находила в себе сил снова встретиться с арабами. Нет, я боялась не их, а одного из них. Того, кто пообещал меня убить, если предам или сбегу. И я верила тем его словам. Он убьёт.

– Рано тебе на работу. Вот фонд Дмитрия помог нам с жильём, а моей пенсии хватит на пропитание, ещё и останется немного. А там ребёночка родишь, как-нибудь да выкормим. Всё будет хорошо, Ириш. Не торопись никуда соваться, – тётя Глаша тоже боялась. Не говорила об этом, но боялась, видимо, чувствуя угрозу от того, кого никогда не видела.

– Хорошо, тётя Глаш. Я не буду торопиться, – пообещала ей, чтобы успокоить и дать время себе. Знать бы на что... Прекратится эта боль в грудной клетке или нет? Пройдёт со временем моё наваждение или нет? Как мне быть дальше?

Ответов не было ни у кого. Ни у тёти, ни у психолога, ни даже у Димы, ставшего мне другом.

– Тебе просто нужно расслабиться, – советовал он. – Просто отпусти себя и живи для себя. Всё пройдёт, – он думал, что меня сломил плен. Честно признаться, иногда так думала и я. Но иногда понимала, что всё намного сложнее. Меня сломил побег.

Прошло несколько месяцев, а я всё так же вижу его глаза. Тот самолёт, его дикий взгляд и как уходит, быстро и уверенно ступая. Вышвырнул ли он меня из своей жизни? Отпустил ли? Я не знала. Как не знала, смогу ли сама его отпустить.

ГЛАВА 2

Убить её. Да, сначала очень хотелось сжать её тонкую шею и лишить кислорода, как сделала она с ним. Халим ненавидел эту суку и так же отчаянно её желал. В один момент он хотел лишить её жизни, а в другой понимал, что тогда пустит себе в голову пулю. Без неё всё станет бессмысленным.

Почему отпустил? Ооо... Он хотел её вернуть. Вернуть и уничтожить, содрать с неё кожу хлыстом или велеть, чтобы забросали камнями. Он много чего хотел с ней сделать.

Но в тот самый момент, когда встретился с ней взглядом, понял, что так будет лучше. Правильнее. Отпустить её, избавиться, забыть. Выкинуть из головы хотя бы на какое-то время.

А ночью трахал трёх шлюх и ненавидел себя за то, что отпустил. И её за то, что отравила своим ядом и теперь он медленно, но верно превращается в монстра. Теперь он разума лишился.

– Мой эмир, – женщина вошла в его комнату после тактичного стука в дверь, уставилась в пол, якобы не замечая гору пустых бутылок, пьяную, голую шармуту на диване и его, курящего кальян. На самом деле он уже одурел настолько, что не чувствовал ни запаха дыма, ни вкуса алкоголя. Даже не соображал, какой сегодня день. Отравила. Уничтожила его. Та, кому впервые доверился. Растоптала это доверие и сбежала.

– Чего тебе? – рыкнул на Саадат, и та попятилась от ужаса.

– Мой эмир, я должна кое-что рассказать вам...

– Говори и проваливай!

– Это касается Райханы...

– Я ничего не хочу слышать об этой шармуте. И если ещё раз услышу это имя, выдам фетву на её казнь!

– Мой эмир нельзя! Прошу, выслушайте! – она бросилась к его ногам, встала на колени. – Нельзя казнить! Она ждёт ребёнка! Возможно, вашего наследника!

Выдохнул дым из лёгких, с трудом втянул в себя воздух.

– Продолжай.

– Она сказала мне... Просила, чтобы я вам не рассказывала. Хотела порадовать вас... А потом... Я не знаю, что случилось потом. Мне казалось, она привыкла и смирилась. Это моя вина. Если бы в тот день я поехала с ней, ничего бы не случилось. Простите меня, мой эмир.

Он поднял глаза на женщину, скривился в злой, холодной ухмылке.

– Она ненавидела меня. И скорее всего моего ребенка уже убила. Убирайся прочь, оставь меня в покое.

– Нет, мой эмир. Она бы не убила ни в чём неповинного ребёнка. Я знаю эту девочку. Да, она строптива и непокорна, но такой страшный грех ни за что не совершила бы. Поверьте мне.

– Я сказал, пошла вон. И позови ко мне Мустафу.

Он протрезвел. От одной новости о том, что Райхана беременна. Внутри пламенем зажглась надежда. Что, если она оставит ребёнка? Или может уже его убила? Тогда он прикончит её сам. Своими же руками.

Но если она действительно понесла от него и родит этого ребёнка... И захохотал, как сумасшедший, отчего шармута вскинулась и потянулась к нему за поцелуем. Сбросил её с себя на пол.

– Проваливай.

– Мой эмир, – потянулась та к его ногам, чтобы поцеловать и их.

– Я сказал, пошла прочь! – швырнул ей несколько тысячедолларовых купюр и алчная шлюха, схватив их, на четвереньках поползла к выходу задом.

Мустафа вошёл спустя пару минут, поклонился шейху.

– Мой эмир, вы звали меня?

Халим поднял на чернокожего слугу взгляд, долго молчал.

– Ты со своими людьми едешь в Россию, Мустафа.

– Да, мой эмир. Какое у вас будет поручение?

– Райхана. Ты едешь, чтобы приглядывать за ней. Она не должна об этом знать, поэтому ни ты, ни твои люди не должны попадаться ей на глаза. В свою очередь я должен знать обо всём, что происходит в её жизни. До того момента, пока не решу иначе.

Мустафа снова поклонился.

– Прикажете собираться?

– Иди.

Пить и трахать шлюх больше не хотелось. Хотелось поскорее увидеть её. Увидеть и выпороть, чтобы заливалась слезами и молила о пощаде. И он, конечно же, пощадит. Потому что не сможет убить её. Ни за что. Если в ней растёт его ребёнок он не сможет ей навредить.

Но душа горела и полыхала. Злость кислотой разъедала его вены. Он знал, что женщинам нельзя верить. Они коварны и опасны, как змеи. Сначала обвиваются вокруг шеи, а затем душат, пока не лишат жизни. Он никогда не думал, что сам станет жертвой такой змеи. Он думал, что умнее её, что не даст обвести вокруг пальца, но сам же и предоставил ей такую возможность.

Теперь они оба обречены. Он – вечно гореть в том пламени, куда она его толкнула. А она... Её наказание будет страшным.

Впервые после её побега он пришёл в себя. Велел выбросить весь недопитый алкоголь и траву. Сходил в душ и долго лежал в ванне, где любила нежиться Райхана. Или Ирина? Кто она теперь? Кем она себя видит сейчас? Думает, просто сбежать, улететь домой достаточно, чтобы избавиться от него? О, его милая, красавица. Ты не представляешь, что тебя ждёт.

ГЛАВА 3

– Ну что я могу сказать, – доктор подал мне салфетки, повернулся к столу, чтобы сделать запись. – Малыш развивается правильно и вовремя. Всё идёт, как надо.

– Это девочка? Или мальчик? – спросила затаив дыхание, но доктор пожал плечами.

– Пока не понятно. Можно сдать анализ и по нему определить...

– Нет. Я подожду, – встряхнуло от одной мысли, что в меня снова вонзят иглу. Ненавижу больницы. Ни за что сюда не пришла бы, если бы не малыш.

– Я так понимаю, плод сохраняем? – спрашивает равнодушно доктор, а я удивленно хлопая ресницами.

– Разумеется.

– Тогда пропишу вам витамины. Бледновато выглядите.

– Хорошо, спасибо.

Не могу сказать, что мне не приходила мысль об аборте. Приходила. Только я её быстро выкинула из головы. Малыш, кем бы ни был его отец, ни в чем не виноват. И раз уж так вышло, я обязана его сохранить. Я его мама, он уже во мне. Я не смогу вырвать его из себя. Не смогу и не хочу.

Тетя Глаша поддержала меня, а остальным я так и не сказала. Уверена, им это знать ни к чему. Закончится курс реабилитации и я вернусь к своей жизни.

– Ну что? Ты прошла обследование? – Дмитрий ждал меня у машины, докуривая очередную сигарету. Судя по окуркам, она уже не третья и не четвертая.

– Да, всё отлично. Выписали витамины. Наверное, я просто устала, – Дмитрию о беременности я так и не сказала. Тётя Глаша всё советует обратить на него внимание, а я вот никак...

В моём сердце всё ещё живёт Халим. И как бы я не пыталась выгнать его оттуда, ничего не получается. Иногда кажется, что он меня проклял и навсегда поселился внутри. Чтобы продолжать мучать и истязать.

– Заедем в кафе, поедим? – спросил меня Дмитрий, выворачивая руль. – Я голоден, как волк.

– Давай, – со вздохом согласилась я.

Дима хороший. Даже очень. Он помогает таким, как я, освободиться из рабства. Его фонд насчитывает несколько десятков спасённых и хотя бы за это я должна ему обед и улыбку.

– У тебя хороший аппетит, – улыбается Дима, наблюдая, как я поедаю утиную ножку с запечённым картофелем. Сегодня меня, к счастью, не тошнит, а потому я нагоняю упущенное. Нам с малышом нужно хорошо питаться.

– Очень вкусно, спасибо, – улыбаюсь Диме и он, кажется, засмотрелся на меня.

– Знаешь, ты очень красивая. Я могу понять того шейха. Отказаться от такой девушки... даже не знаю. Я бы и сам тебя похитил.

Моя улыбка исчезает и он, поняв это по-своему, отстраняется назад.

– Прости, я не подумал. Глупость сморозил. Меня же предупреждали психологи...

– Всё нормально, Дим. У меня нет посттравматических синдромов или чего-то из этого. Все хорошо. Шутку оценила.

Он облегченно вздыхает, берет меня за руку.

– Я иногда туплю по-черному, заносит. Ты тормозни если что, ладно?

– Ладно, – убираю свою руку из его, потому что к тактильному общению я совершенно не готова. Всё ещё живы во мне воспоминания о прикосновениях других рук.

– Прости, – Дима понимает, что совершил что-то неправильное, убирает руки со стола. – Я не хотел.

– Ничего. Всё нормально, – улыбаюсь ему снова. Это уже стало привычкой. Улыбаться, когда ужасно хочется расплакаться. – Отвезёшь меня домой?

– Конечно. Поехали.

Дмитрий подаёт мне руку, помогая выбраться из салона своей иномарки, захлопывает дверь.

– Провожу тебя до квартиры, я тётё Глаше обещал, что доставлю в целости и сохранности.

– Ладно, пойдём, – не смею ему отказать, дабы не обидеть. В конце концов у него таких, как я, целый отряд, а возится он со мной.

Дима вообще весь такой положительный. Симпатичный, обходительный. Добрый и чуткий. Даже тётя разглядела в нём принца.

– Ириш, ну ты бы обратила на Дмитрия внимание. Хороший он такой, приятный. И на тебя так тепло поглядывает. Я уверена, он даже ребёночка твоего примет. Ты подумай, не торопись. Видный же мужчина.

А я смотрела на симпатичного, милого Диму и не верила, что смогу кого-то полюбить даже лет через десять. Сложно это, особенно когда каждую ночь снится Халим. Он не дает мне забыть о себе и никогда не даст. Он замучает меня, запытает, превратит в свою марионетку. Даже сейчас, в тысячах километров от себя он не оставляет меня.

Дима остался пить чай, тётя Глаша испекла торт. Мне даже кажется, что они сговорились.

– Ириш, ну что ж ты так плохо ешь?

– Я в кафе наелась, – неловко ковыряю кусок торта вилок.

– Она просто устала. Я пойду, пора мне уже, – Дима глянул на свои часы. – Увидимся на днях, Ир. Ты давай держись. И не пропускай сеансы с психологом. Тебе это нужно.

– Хорошо, спасибо, – улыбнулась ему на прощанье, отвела глаза в сторону. Меня его пристальные взгляды дико смущают. Словно в душу мне смотрит и видит там Халима. И я бы и сама рада начать новые отношения с нормальным человеком, но мне кажется, что так я предам не только отца своего ребёнка, но и себя саму. Потому что не могу забыть. Не могу оставить его. Хоть мысленно, но я с ним, с Халимом эль Хамадом – моим любимым палачом.

ГЛАВА 4

Сделать глоток виски, окинуть её пристальным взглядом. Расслабиться. Давия красивая. Особенно, когда не ноет, а улыбается. Сейчас, сидя у его ног в одном халате, она выглядела великолепно.

– Мой эмир... Я так рада, что ты простил меня. Я очень счастлива. Спасибо тебе за это.

– Счастлива, – повторил задумчиво, в грудной клетке потяжелело. Давии для счастья нужно так мало. Лишь его, мужа, внимание.

Чего же не хватало ей. Этой шармуге Райхане. Ведь он был готов бросить к её ногам весь мир. Ей стоило только попросить. Только своим пальцем указать. И он бы, как верный пёс притащил бы в зубах ей это.

Как жаль, что люди никогда не довольствуются тем, что имеют. Им всегда нужно больше, лучше. Как ему сейчас. Давия у его ног не возбуждала. А он пришел за этим. Сделать ей ребенка, чтобы, наконец, получить наследника. Чтобы его трон перестал под ним покачиваться.

Халим знал, кто помог Райхане сбежать. Как и знал, с какой целью.

Его брат Фархад метил на место шейха Эль Хаджа. Его пустыни ему было мало. Только Фархад просчитался, решив, что Халим сломя голову полетит за Райханой. А Фархад в это время захватит власть. Смешно и наивно. Нет такой женщины, ради которой шейх отдал бы свою власть. И Райхане не стать таковой. Как и Фархаду не стать шейхом Эль-Хаджа. Никогда.

Халим отпустил её, чем поверг всех в шок. Он сам от себя не ожидал. Не думал, что когда-нибудь сможет её отпустить. И решение это далось ему очень непросто. Болезненно. Будто отрезали кусок плоти без анестезии. Ранили в грудь и оставили подыхать.

Сжав кулак, мысленно призвал себя успокоиться. Он отпустил её не надолго. Только до тех пор, пока она забудет о нём. А потом он придет за своим и заберёт его. А Райхане придётся гореть в жутком пламени за своё предательство. Какой бы путь она не выбрала. Что бы не решила по поводу ребёнка.

Халим был убеждён, что она не оставит ребёнка. Выдерет его из себя, чтобы забыть о нём и его отце. Халим знал, что она его не любила. Лишь притворялась влюблённой, чтобы усыпить его, Халима, бдительность и сбежать.

Проклятая шармуга. Вырвала его сердце из груди и спелась втихаря с Фархадом. Последний тоже поплатится за предательство. Все, кто в этом участвовал.

Например, этой ночью Фархад будет арестован вместе со всеми, кто ему помогал. Каждый телохранитель, каждый слуга, который посмел перейти на сторону врага. Все до одного.

А ему, шейху Эль-Хаджа, пора выполнить свой долг и произвести на свет наследника.

– Раздётся, Давия. Я хочу видеть тебя обнажённой.

Она привстала на коленях, развязала пояс халата, являя Халиму своё шикарное тело. Шикарное, да. Но не то, которое он хотел бы.

– Что мне сделать для тебя, мой эмир?

– Возьми мой член в рот, – приказал ей, и Давия потянулась к ремню его брюк.

– Я всё для тебя сделаю. Все, что ты пожелаешь, мой любимый.

– Замолчи. Просто делай, что я говорю.

Она принялась отсасывать, схватив член двумя руками и заглатывая его, как искусная шармуга. Выругался и, закрыв глаза, представил на месте Давии Райхану.

Удовольствие было каким-то искусственным, ненатуральным. Словно Давия суррогат, а не его жена. Причём суррогат сильно проигрывающий оригиналу.

Оттолкнул её, Давия упала на пол, приподнялась на локтях, настороженно глядя на него.

– Я сделала что-то не так, мой эмир?

Всё. Она делала всё не так. Потому что слишком правильно. Скорее всего обучалась. Райхана же всегда была настоящей. Такой неправильной и такой желанной.

Взглянул в глаза жены, понял, что просить её станцевать для него будет ещё большей ошибкой.

– Ложись на кровать. На живот.

ГЛАВА 5

– Ты сегодня не в настроении, – Дима оценивает меня цепким взглядом, отпивает кофе.

– Я всегда такая, – пожимаю плечами.

– Нет, не всегда, – стоит на своём он. – За время наших встреч я успел тебя изучить. Сегодня ты грустишь, потому что вспомнила что-то. Что-то из прошлого, что пора уже давно забыть.

– А если забыть не получается? – спрашиваю с ироничной усмешкой.

Я никому не говорила, что, а вернее кто является причиной моего плохого настроения. Они все думают, что я так тяжело отхожу от плена, но на самом деле всё обстоит несколько иначе. В плену, как оказалось, мне было не так и плохо... Не хуже, чем сейчас. А ведь я так хотела домой...

– Забыть тебе помогли бы психологи, но ты снова пропускаешь сеансы.

– Дим... Если ты пригласил меня в кафе, чтобы устроить промывку мозга, то я пас. Давай без этого.

– Почему, Ира? – вглядывается в моё лицо. А мне так непривычно слышать это «Ира». До сих пор в голове звучит его тихое, вкрадчивое «Райхана. Моя Райхана». – Ир? Тебе плохо? Ты побледнела. Выпей воды.

– Нет... Всё хорошо. Я просто задумалась. А насчёт твоих психологов... Знаешь, Дим, спасибо тебе огромное за заботу, но я устала. Мне не хочется ни с кем говорить. Мне хочется помолчать о своей боли. Понимаешь? – взираю на него с надеждой, и Дима сдаётся.

– Хорошо. Тогда позволь хотя бы накормить тебя. Здесь подают отличные стейки. Будешь?

Я киваю. В последнее время малыш требует много еды. Настолько, что я не успеваю за его пожеланиями. Весь в своего отца. На этой мысли я, наверное, становлюсь ещё бледнее. Но Дима этого не замечает, потому что делает заказ за нас двоих. А я, рассматривая его, всего такого позитивного и симпатичного, жалею, что не влюбилась в подобного мужчину. В таком случае было бы всё намного проще.

Стейк сочный и тающий во рту. Безумно вкусный. О чём я и говорю Диме. Тот пленительно улыбается своей белоснежной улыбкой, а я тут же вспоминаю другую. Более хищную и самовлюбленную. И внизу живота появляется тепло. Подумать только, влюбилась в похитителя, как героиня непонятого мною фильма.

– Может завтра в аквапарк? – спрашивает Дима, а я растерянно поднимаю на него глаза.

– В аквапарк? Зачем?

– Ну а зачем ходят в аквапарк? – смеётся.

Что? Я, купальник, он? Нет уж, извините.

– Дим, я...

– Я понял, – тут же избавляет меня от необходимости заканчивать неловкую фразу. И ещё один плюсики в копилочку Димы. Нельзя быть таким идеальным. – Тогда может в кино с последующим ужином? Потом сразу же отвезу тебя домой.

Хо-ро-ший. Замечательный. Но не мой.

– Дим, ты прости за то, что я сейчас скажу... Ты очень положительный. Да ты мечта любой девушки. Твой фонд уже столько помог, что я даже не смогу обозначить это словами. Ты супермужчина. Но я... – медленно выдыхаю. – Я беременна. От него. И я решила оставить ребёнка. Он ведь ни в чём не виноват. Ты возил меня на осмотр к доктору именно по этому поводу.

– Ясно, – тут же серьёзнеет Дмитрий. Покусывает губу, пару секунд о чём-то размышляет. – Я тебя слышал. Спасибо, что сказала.

– Да в общем-то не за что, – улыбаюсь ему мягко, хотя чувствую, что улыбка вообще не к месту. – Было бы нечестно по отношению к тебе. А ты мне очень нравишься, – смягчила свою новость, только теперь эти слова Димино сердце вряд ли растрогают. И я не ошиблась.

– Не моё дело, конечно, но... Ты потом не пожалеешь? Что оставила ребёнка? Знаешь, однажды у нас уже был похожий случай. Так вот, девушка после родов отказалась от ребёнка. Не смогла простить насильника.

Я вздыхаю, опускаю взгляд в свою пустую тарелку.

– Я не та девушка. В моём случае всё не так однозначно. Дим, я для себя уже всё решила. И менять своё решение не буду. Извини, но эта тема для меня закрыта.

Он, вздыхает, откидывается на спинку стула и долго смотрит мне в глаза. Словно хочет там что-то прочесть.

– Ир, скажи честно. Ты хотела уехать оттуда? Ведь так?

– Ну конечно, – хмыкаю. – Ты же не увозил меня оттуда силой.

– Ладно, – снова жуёт нижнюю губу, о чём-то размышляя.

Я же решаю избавить его от неловкости момента.

– Слушай, мне же ещё в магазин надо заскочить... Тётъ Глаша просила купить кое-какие продукты. Вызовешь мне такси? А я пока в дамскую комнату сбегаю, ладно?

– Конечно, – кивает Дима, а я сбегаю в туалет, чтобы быстро там всплакнуть.

ГЛАВА 6

Дима не появлялся больше недели. С одной стороны, это хорошо. Мне не хотелось бы давать ему ложных надежд. А с другой... я немного грустила. Грустила, потому что всё довольно печально. Я, ребёнок, Халим... Что делать со всем этим? Родить, забыть от кого мой малыш и жить дальше, будто ничего и не было? Я смогу так? Вынесу эту тяжесть, брошенную мне на плечи?

Дима был хорошим другом. Часто ему удавалось заглушить на время мою боль. Забыть о том, по кому плачет душа. И я снова всё испортила.

– Что это Дмитрия так долго нет? То каждый день приезжал, то вообще не появляется. Ты ему что-то сказала? – осторожно выпытывает тётя Глаша.

Я вздыхаю. Нет смысла что-либо скрывать.

– Сказала, что жду ребёнка.

– Ирааа, – разочарованно тянет тётя Глаша. – Ну зачем?

– А зачем что-то скрывать? Какой в этом смысл? Он бы всё равно узнал. Пройдёт пару месяцев и признание в том, что я беременна не будет иметь смысла.

Тётя вздыхает, садится рядом на диван.

– Он хороший мужчина. Лучше того, что в плену тебя держал. А ты взяла и оттолкнула его.

– А что мне было делать? Врать ему? Зачем? – поворачиваю лицо к тёте Глаше, и та сдаётся.

– Ну и то верно. Только одной тебе сложно будет. Я рядом, конечно, но тебе нужно сильное плечо, на которое можно опереться. Мужское плечо.

– Тётя Глаш... Хватит. Не хочу мужчину другого. Вообще ничего не хочу, кроме своего малыша. Он меня утешит и поддержит. Ради него глаза по утрам открываю.

– Хорошо, – вздыхает она. Двигает ко мне тарелочку с пирожками. – Поешь. Ты очень худая. Ребёночку сил брать неоткуда.

Я откусываю пирожок, и желудок отвечает мне радостным урчанием. В дверь звонят, и мы с тётей Глашей переглядываемся. К нам никто не приходит. Никогда. Кроме Димы.

– Я пойду открою. А ты ешь, – поднимается тётя Глаша и выходит из гостиной.

Через секунду слышу голос Димы, невольно улыбаюсь. Всё равно пришёл. Даже не смотря на то, что я ему сказала.

– Привет, – через секунду он появляется в гостиной с огромным букетом роз, на что я смотрю расширившимися от удивления глазами. Он подходит к дивану, а тётя Глаша зачем-то забирает у меня из руки пирожок. – С днём рождения, Ириш. Это тебе, – Дима суёт мне в руки букетище, целует меня в щеку. – Пусть все твои мечты сбудутся.

– Спасибо... – отвечаю потерянно. У меня день рождения. – А я и забыла совсем...

– Ну конечно. Как обычно в облаках витаешь, – шутливо ругает меня тётя Глаша и, забрав букет с тортом, уносит всё на кухню. По пути оборачивается, подмигивает мне. Получается, она обо всём знала? Ну и хитрецы.

– Ну как ты, Ириш? – Дима садится рядом, смотрит на меня своими голубыми, как небо, глазами. Говорю же, идеальный.

– Спасибо, Дим. У меня даже из головы вылетело, а ты вот узнал... Очень приятно. А я... Я нормально, Дим. Всё как обычно.

– Как обычно – это не совсем нормально в твоём случае, ведь так?

Улыбаюсь.

– Ты меня уже хорошо знаешь.

– Так, все на торт! Быстро! – слышим строгий окрик тётки Глаши, смеёмся.

Последующие полчаса сидим на кухне, пьём чай, и мне, как никогда, хорошо. Рядом со мной близкие люди (да, Диму я уже могу называть близким), и вкусный торт. Это точно лучше ежедневного выживания в тюрьме, которая называется резиденцией шейха. Или я себя в этом убеждаю?

Интересно, как там моя Саадат? Скучает ли по своей несостоявшейся госпоже? И Он... Как Он там? Почему не остановил меня тогда? Почему позволил сбежать? Задаётся ли он сам этими вопросами? Думает ли обо мне, как я думаю о нём.

Мне сложно не признать, я скучаю по нему. По его тёмным глазам, по широкой груди, к которой он может прижать до дрожи сильно. По его голосу, вкрадчивому и чарующему.

Я влюблена в своего похитителя. Я – та, которая никогда не оправдывала за подобное жертв в кино. Оказывается, в реальности всё обстоит несколько иначе...

Смотрю на тётку Глашу и Диму, улыбаюсь. Дима рассказывает какую-то смешную историю, и мы хохочем, хотя я не расслышала ни слова. Потому что в голове звучит одно: «Райхана. Моя Райхана».

Звонок в дверь заставляет вздрогнуть. Причём не только меня, но и тётку Глашу. К нам кроме Димы некому приходить. Дима здесь.

– Я открою, – успокаивает он нас, сам встаёт и идёт к двери. А мы, словно мышки, на полусогнутых крадёмся за ним.

– Кто там? – спрашивает Дима, но в ответ тишина. Он приоткрывает дверь, застывает на пороге. Застываю и я.

Перед дверью никого. Зато стоит большущая корзина цветов, а рядом коробка в подарочной упаковке. По спине проходит мороз и мне это чувство уже знакомо. Он рядом. Только рядом с ним я испытываю это.

– Может ошибся кто? – первой тишину разрушает тётка Глаша. – У нас в подъезде девок вон сколько. Не все ж цветы нашей барышне, – у неё даже получается пошутить. А Дима вот отчего-то не улыбается. Достает открытку и передаёт её мне, мельком глянув на арабскую вязь. Я сглатываю, опускаю глаза на открытку.

«Отчего-то я уверен, что мой подарок тебе понравится. С днём рождения, Райхана.»

Меня пошатывает, и тётка Глаша с Димой подхватывают меня под руки.

– Ну что там, милая? Что там написано?

– Это он... – шепчу обескровленными губами почти беззвучно. Отдаю открытку тётке Глаше, сама иду к подарку и поднимаю небольшую коробочку. Несу её в дом, прямо на кухню. По пути сдираю бант и слои подарочной упаковки. Вытаскиваю увесистую шкатулку из золота, открываю. В ней не драгоценности, как подумала сразу. Там книга. Тоже из чистого золота. «Красавица и чудовище» на арабском языке.

Моё чудовище меня нашло. Отыскало среди миллионов, миллиардов красавиц. Уверена, он даже не напрягался. Сделал это, как обычно, с нарочитой ленью в движениях. Отдал приказ своим людям и незамедлительно получил то, что хотел, как получает всё, чего желает. В шкатулке я нахожу ещё кое-что. Кое-что, от чего подкашиваются ноги, и Диме с тёткой Глашей приходится усадить меня на стул. А я сжимаю дрожащими пальцами браслет в виде змеи.

ГЛАВА 7

– Ира? Ты не съела до сих пор ничего, может супчику тебе сварить? – Тётя Глаша, как обычно, беспокоится обо мне, не находит себе места.

Дима задумчиво рассматривает цветы, присланные Халимом. А я покручиваю в руках браслет и тупо взираю на книгу.

– Если её продать, хватит денег на новое жильё. Где-нибудь, где он не найдёт, – вру сама себе, потому что знаю – Халим найдет. Он не может не найти.

– А вот не надо нам их золота! – возмущённо перечит тётя Глаша. – Без него нам лучше было! Отправим назад. Пусть не думает, что всё и всех можно купить! Поганец, чтоб ему! – тётя Глаша сдерживается от мата, а у меня в голове только он и звучит.

Какой же я наивной была, полагая, что всё прекратится с моим побегом. У арабского шейха руки подлиннее будут, чем у того же Димы с его фондом. Намного.

– Нет. Мы её продадим и деньги отдадим в твой фонд, – смотрю безумно Диме в глаза, а тот медленно переводит взгляд с меня на тётю Глашу. Мол, уйми эту сумасшедшую.

– А я говорю, не нужно нам его золото. Пусть хоть со всего мира соберет и им подотрётся! Вот так вот! – мою тётушку просто так не усмирить. Да и я, в принципе, с ней согласна. Не нужно мне от него ничего. Хотела бы ходить в этом браслете, как сука в ошейнике – не сбежала бы. Осталась бы там. Только мне свобода роднее. Без неё и золото всего мира не в радость. Тут тётя Глаша права. Не нужно нам ничего.

– Я о том же. Дима, ты заберёшь книгу и браслет. Продай и пусти на благое дело. Возможно, это золото кого-нибудь спасёт.

– Мой фонд обойдётся без подарков от насильников, – в грубой форме выражается Дима и отчего-то бросает взгляд на мой пока ещё незаметный живот. – А может он и не насильник вовсе, а, Ир? – поднимает глаза выше, смотрит мне в лицо.

А я чувствую, как вспыхивают мои щеки.

– Он меня похитил. И удерживал силой. И да, мне пришлось пережить там многое. Но я хотела вернуться домой. Ты не зря старался. Прости, если разочаровала.

Дима склоняет голову, закрывает глаза, нервно сжимает пальцы рук в кулаки. Я понимаю, о чём он. И он меня тоже понимает.

– Извини, я... – начинает он, но я мотаю головой, душа рыдания, рождающиеся в груди.

– Всё в порядке, Дим. Я знаю, что мало похожу на жертву. Скорее на жертву с небезызвестным синдромом. Может так оно и есть. Вы извините, я пойду посплю. Что-то силы резко закончились. Извините меня, – поднимаюсь, иду мимо остолебеневшей тёти Глаши, что всё это время стояла молча и смотрела то на меня, то на Диму.

Мне срочно нужно поплакать, и плевать если кто-то услышит. Слишком много во мне непролитых слёз.

Уткнувшись в подушку, долго вою, выплёскивая из себя все эти страшные эмоции. Больше нет сил таскать всё в себе. И психологи с их пустой болтовнёй мне не помогают. Может это я их не понимаю? Может я какая-то неправильная. Вместо того, чтобы ненавидеть своего похитителя, я в него влюбилась. Вместо того, чтобы ненавидеть его ребёнка, я уже жду его рождения. Я вообще неправильная, что ж теперь.

Слова Димы меня почему-то ранили. Да, он говорил правду. И эта правда больно ударила по самолюбию. Мне всё ещё хочется казаться сильной, а я вместо этого выгляжу несчастной и недолюбленной.

Когда он входит после короткого стука, я уже выплакала все слёзы и смотрю в потолок. Дима садится рядом на стул, тяжело вздыхает.

– Хреново вышло, Ир.

– Да уж.

– Прости меня, малышка, – его «малышка» заставляет меня вздрогнуть. Потому что тут же слышу: «Моя маленькая узница. Моя Райхана». – Я не хотел тебя обидеть. Меня самого потрясла эта ситуация. Я понятия не имел, что он тебя найдёт.

– Да. Я тоже, – наверное, всё-таки вру. Я знала, что Халим меня найдёт. Просто вышвыривала эту мысль из головы. Наивная дура, вот кто я. Подставила не только себя. Под удар могут попасть и тётя Глаша, и Дима со всем его фондом.

– Прости меня за мои слова. Я не хотел обидеть тебя. Я понятия не имею, что переживают женщины, которых похищают. И я не вправе тебя судить.

– Всё нормально, Дим. Не извиняйся. Ты был прав, когда сказал, что возможно он и не такой уж насильник... Я тоже иногда в этом сомневаюсь. И ещё кое-что... Я спала с ним добровольно. Я танцевала для него танец живота, целовала его и занималась с ним оральным сексом. И всё это я делала по собственному желанию.

Лицо Димы каменеет. Ещё бы. Такое признание. Но мне не стыдно. А он слишком хороший, чтобы оставаться в неведении. Пусть сейчас уйдёт и больше не приходит. Тётю Глашу я смогу защитить. А вот Диму – вряд ли. В том, что шейх Халим эль Хамад скоро нагрянет сомнений уже нет.

– Кхм... – Дима откашливается, отводит взгляд. – Мне эта информация ни к чему, Ира. Я знаю, что ты была в плену, а чем тебя там принуждали заниматься на добровольных началах не моё дело. Знаешь, я девчонок разных оттуда вытаскивал. Некоторые были из борделей. Я таких ужасов наслушался, что ты уже меня ничем не удивишь и не испугаешь. Ир, я же не просто так таскаюсь за тобой. Ты мне понравилась очень. Я понимаю, что сейчас говорить с тобой об этом неправильно, но... Не отталкивай меня от себя. Я знаю, что нужен тебе. И бояться за меня тоже не надо. Я не маленький мальчик, постоять за себя в состоянии.

Вот этого я и боюсь. Их противостояния. Потому что Дима, каким бы сильным не был – не выстоит. Он просто не понимает с человеком какой силы и власти может схлестнуться. А я знаю.

Халим опасен. Для нас всех. Но больше всего я боюсь за Диму. Он прав, я хочу его оттолкнуть, но не получается. Слишком упёртый, слишком уверенный в себе. Халим таких не любит. Он крошит таких людей в пыль.

– Дим, спасибо, что пришёл и за поздравления тоже. Но тебе уже пора. Прошу, уходи. Между нами ничего не может быть. Я люблю другого. И каким бы он ни был, это не изменится.

ГЛАВА 8

– Ваш подарок доставлен, мой эмир.

Поднял глаза с извивающейся танцовщицы на силуэт, который в дыму кальяна было плохо видно, усмехнулся.

– Отлично. Можешь идти.

– Ещё кое-что, эмир.

– Что?

– Она была у врача. Беременность решила сохранить.

– Ясно. Ты можешь идти.

Дверь закрылась, а танцовщица опустилась к ногам Халима, заканчивая свой танец. Схватил её за волосы, потянул на себя.

– Ну и как тебе подарок, Райхана? Нравится?

– Да, мой эмир, – то ли это произносит танцовщица, желая ему угодить. То ли он просто дичайше пьян. А может и то, и другое.

– Я не говорил заканчивать. Танцуй! – швырнул её на пол, снова влил в себя бокал виски.

Девка поднялась, чтобы продолжить, а чьи-то руки обвили его шею.

– Мой эмир... Это я, твоя непокорная Райхана. Как ты хочешь наказать меня? – горячий шёпот в ухо и его тело от одного её имени содрогается от нетерпения.

– Встань на колени, – бросил ей, и девка слезла с дивана, опустилась перед ним. – Ты знаешь, что делать.

Пока одна сосала его член, облизывая его, словно леденец, а вторая танцевала, он смотрел на них и понимал, что никаким суррогатом её не заменить. Ни одной красивой женщиной. Почему? Что с ним случилось? Чем эта сука отравила его?

Отец был прав, когда говорил, что женщины коварны. Стоит лишь раз дать слабину и вот она уже в твоём сердце, крошит его, рвёт на куски. Похоже, отец знал, о чём говорил. Поэтому он менял женщин еженедельно. Чтобы ни одна подолгу в его постели не задерживалась. Он был прав. Стоило бы прислушаться к его советам.

Но почему она оставила ребёнка? Почему не убила его? Не вырвала из себя все воспоминания о нём? Разве не это она хотела сделать, когда бежала от него?

Ответов не было. Вопросов больше тоже. Он подождёт. Выждет какое-то время, а потом, когда боль схлынет, он вернётся, чтобы воздать ей по заслугам. Сдерёт с неё кожу заживо, когда она не будет того ожидать. Как сделала с него она, превратив его дни и ночи в агонию.

– Отвали! – оттолкнул от себя девицу, поняв, что кончить не сможет. Всё тело будто в камень обратилось и ни на что не реагирует.

– Мой эмир, что я сделала не так?

– Ничего. Просто проваливайте обе! – швырнул им денег и девки принялись ползать по полу, собирая их.

Собрали быстро и за дверь шмыгнули. А он глаза закрыл, схватившись за член и её лицо представил. Как бы сосала у него она. Как бы касалась пальцами осторожно. Как бы смотрела на него своими красивыми глазами и повторяла его имя, пока он долбился бы в её промежность.

Кончить смог только так. Только представляя её лицо, губы, руки. Глаза, большие и бездонные. В них отражается небо и солнце. В них он столько раз видел себя...

Без неё корёжило и рвало на куски. Без неё не дышалось. И он ненавидел себя за это, потому что понял – теперь у него есть слабое место, ударив по которому, его можно уничтожить. Хорошо, что она уехала. Так для неё же безопаснее. Именно поэтому он отпустил.

– Мой эмир, – голос Давии прозвучал твёрдо, без заискивающих ноток. – Я могу войти?

– Ты уже вошла, – застегнул штаны, отшвыривая от себя салфетку, в которую кончил. Нет, дело не в Давии. Дело в нём самом. Он ненавидел себя сейчас. Презирал. Шейх удовлетворяет сам себя. Это даже не смешно. Это жалко.

– Я могу поговорить с тобой?

– Говори, раз приехала, – наполнил свой бокал, сделал хороший глоток.

Она поддела носком туфли женские трусы, отшвырнула их в сторону. Прошла к соседнему дивану, присела на него.

– Что ты делаешь, Халим? Зачем ты так поступаешь с собой?

– Хорошие вопросы. Как узнаешь на них ответы, обязательно поделись со мной.

– Халим, милый... Неужели ты правда так сильно её любишь? Ты же страдаешь... По ней, да? Тогда зачем тебе я? Убей меня. Возьми нож и убей, это будет милостивее, чем вот так вот... Ты убиваешь меня своей нелюбовью, своим равнодушием. Ты не приходишь ко мне по ночам, всё время сидишь в этом дворце. Я уже ненавижу его. Ты сослал меня в ад. Мне всё без тебя немило.

– О, тогда ты точно понимаешь меня, – усмехнулся и резко подался вперёд. Так, что Давия отшатнулась. – Ты никогда не заменишь мне её. Знаешь почему?

– Знаю. Её ты любишь.

– Верно. Так что езжай домой и оставь меня в покое.

– Нет, я не оставлю тебя. Хочешь побей, хочешь за волосы из дворца вытащи. Но я останусь.

– Зачем? Тебе нравится, когда я тебя унижаю?

– Нет. У меня та же беда, что и у тебя. Я люблю.

ГЛАВА 9

С тех пор, как я получила подарок от эмира эль Хамада прошло несколько месяцев. Он больше не давал о себе знать, а я делала вид, что обо всем забыла, тщательно спрятав его подарки. Казалось, если не буду их видеть, всё прошлое исчезнет, забудется. Я снова пыталась себя обмануть.

Дима так и не оставил меня, как я не старалась его оттолкнуть. Он то и дело таскал мне сладости и цветы, ухаживал как за членом своей семьи. Порой мне становилось неловко и стыдно оттого, что я не могу ответить ему взаимностью. Едва ли я смогла бы, даже захотев.

Я, кажется, вообще разучилась любить. Разумеется, кроме моего мальчика, который то и дело шевелился и пинался в животе. Казалось, он нестерпимо хочет на свободу. Такой же сильный, как его отец. Такой же упрямый.

Я могла говорить с ним часами, поглаживая свой большой живот, и малыш пинался изнутри, будто отвечая мне. Мне хотелось скорее взять его на руки, заглянуть в глаза. Отчего-то мне казалось, что он будет похожим на Халима. С таким же тёмным взглядом и смуглой кожей. Со сложным характером и упрямством. А может это всего лишь мои дурацкие мечты. Я хотела видеть в своём сыне его отца. Хотела, потому что так и не забыла, не смогла вычеркнуть его из своего сердца. Халим остался во мне, в своем сыне. В нас. И уходить не собирался.

Я знала, что однажды он неизбежно нагрывает. Немного боялась этого и втайне ждала. Я не рассказывала об этом Диме, но он, казалось, чувствовал сам. Наверное, именно поэтому его забота обо мне больше походила на братскую. Он понимал, что между нами ничего не может быть, хоть втайне и мечтал. Казалось, я вижу его насквозь.

Жаль, так же не получалось с Халимом. Его действия и поступки я предвидеть не могла. Как и не могла знать, что ждёт меня дальше.

Когда подошёл срок родов я отчего-то была спокойна. Наверное, так действовала на меня забота тёти Глаши и Димы. Я слишком расслабилась и, кажется, забыла, что такое настоящий страх. Я усыпила его в себе.

Зря.

День, когда начались схватки, я запомню надолго. Именно в этот день Халим вернётся, чтобы наказать меня за побег.

Роды проходили тяжело и болезненно. Малыш будто не хотел появляться на свет. Я несколько раз теряла сознание, приходила в себя и снова кричала от ужасной, разрывающей тело боли. Вокруг суетились медсёстры и два врача, а у меня болели глаза от яркого света и белых халатов.

Когда всё закончилось, я услышала его плач и слабо сквозь слёзы улыбнулась. А потом меня поглотила темнота.

Я очнулась в палате одна. Рядом не было ни тёти Глаши, ни Димы, ни даже кюеза с малышом. Сердце отчего-то испуганно трепыхнулось, и я села на кушетке. Странно, палата совсем другая. Не та, в которой я была до родов. Открытый шкаф пуст, а я в одном больничном халате. И ни единой вещи, кроме стакана на тумбочке и бутылки с водой. Я осторожно встала, доковыляла до двери и нажала на ручку, но она не поддавалась.

– Эй! Есть кто-нибудь? – постучала в дверь, а секунд через тридцать она открылась.

– Так, а что это мы тут шумим? Ну-ка, дорогуша, ложись-ка в постельку. Тебе нельзя ещё ходить. Давай-давай! – крупная женщина с розовыми щеками взяла меня под руку. – Давай я помогу тебе.

– А где мой сын? – спросила её, но та, продолжая лепетать, повела меня к кровати.

– Ложись-ка, давай. Ну-ка. Вздумала ходить. Лежи спокойно, сейчас я сделаю укол, поспишь. Всё пройдёт, не переживай, – протянула противно, достав из кармана халата шприц.

– Стойте, – оттолкнула от себя руку медсестры, поёжилась. – Мне не надо спать. Я уже выпалась. Можно мне моего малыша?

– Так, понятненько, придётся звать санитаров. Коляяя! – заорала во всю глотку женщина и меня окатило каким-то жутким ужасом. Что-то не так. То ли со мной, то ли с медсестрой.

Когда в палату вошёл здоровенный санитар с длинными, словно у обезьяны ручищами, я сама села на кушетку, и подобрала под себя ноги.

– Не надо санитаров. Просто скажите, где мой сын?

Медсестра поджала губы, сочувственно посмотрела мне в глаза. Качнула головой.

– Не помнишь ничего, да? Ох, бедная... Нет твоего малыша. Не выжил он при родах. А ты в истерику впала. Вот тебя к нам и отправили.

– Что вы говорите? Как это... Нет, вы ошиблись! Это какая-то ошибка! Мой сын жив! Я слышала его крик! Немедленно выпустите меня! Отведите меня к сыну! – вскочив, я бросилась к выходу, но мне преградил дорогу тот самый Коля с длинными ручищами. Схватил меня за шкуру как котёнка и потащил обратно к кушетке с ремнями, которые я сразу не заметила. Теперь же ощутила, как они сковывают мои запястья.

Я орала и брыкалась, пыталась кусаться и достать их ногами, но санитар с медсестрой оказались сильнее. А когда игла плавно вошла в вену, я глубоко вдохнула и упала на подушку.

– Тише, милая, тише. Отдохни. Ох, бедненькая... Ужас, что она пережила. Представляешь, ребёночка при родах потеряла... Ох.

– Угу, – прогремел Коля и пошёл к выходу. Медсестра склонилась надо мной, улыбнулась.

– Ты поспи, моя хорошая, поспи. Скоро обязательно станет легче.

Я замычала, пытаюсь сказать ей что-то, но у меня не вышло. Снова темнота забрала в свои объятия, и я провалилась в сон.

ГЛАВА 10

Следующее пробуждение, и я всё там же. Понимаю, что весь тот кошмар не был страшным сном. Скорее явью. Только я не верила им.

Мой малыш жив. Я знала это, чувствовала, как чувствует любая мать. Я знала, что у меня его забрали и даже догадывалась, кто это сделал.

Когда медсестра вошла снова, я уже была готова. Кричать и истерить не было смысла. Это только усугубит ситуацию.

– Ну что, милая, проснулась? Сейчас суп тебе принесу, поешь. И молокоотсос, а то у тебя весь халат вон промок.

– Ни к чему мне ваша забота. Скажите Халиму, что я хочу поговорить.

– Ты о чём это? – нахмурилась непонимающе тётка. И я её возненавидела ещё больше.

– Ему, тому, кто меня здесь запер. Скажите, что я готова встретиться.

– Милая, ты это... Отдохни ещё. Поешь. Глядишь, и силы появятся. О плохом не думай.

А тебе вот цветочки прислали. Такой букет огромный, я еле вазу нашла. Сейчас принесу.

Я замолчала.

Эту просьбами и слезами не пронять. Либо купленная, либо сама не знает ничего.

Через пару минут женщина вернулась. Поставила вазу на тумбочку, понюхала цветы.

– Ох, какие... Ты гляди? Любит тебя твой-то, да?

– Вы о ком? – мне до сих пор кажется, что она меня с кем-то путает. Или же я попала в какую-то параллельную реальность.

– Ну как о ком. Твой мужик-то. Цветы который принёс. Заботливый такой.

– Мужик? Вы про Халима, что ли? – всё пытаюсь до неё достучаться, чтобы понять в чём дело. Или она под дурочку косит или правда ничего не знает.

– Да Дмитрий твой. Это он цветы принёс, – смотрит на меня, как на сумасшедшую.

Стоп. Дима? То есть, он знает, где я? Знает и ничего не делает? А как же тётя Глаша?

– А тётя моя приходила? Тётя Глаша? – спрашиваю испуганно, совершенно растерявшись.

– Нет, никакой тёти не было. Ты как это... родила... так тебя и привезли сюда. Сильный приступ у тебя был. Думали, с ума сойдёшь. Но сегодня, как я погляжу, уже получше?

– Да... Да, получше, – задумчиво протянула я. – А как скоро меня выпустят?

– Нуу, тут я не знаю. Это у врача надо спрашивать. Вот завтра обход будет, ты и поинтересуйся. Так что, суп нести? Поешь?

Я кивнула. Поем. Буду силком в себя еду заталкивать, лишь бы набраться сил. Похоже, они мне понадобятся.

Суп был несолёный и почти не имел вкуса. А я, запихивая в себя ложку за ложкой, думала только об одном. Как выбраться из этого дурдома. В том, что я нахожусь в клинике для душевно больных, говорили решётки на окнах и дверях, замки на них же и иногда чьи-то душераздирающие вопли.

Халим забрал у меня ребёнка и поместил в клинику. Но Дима... Дима знает, где я нахожусь. Почему он не навестил меня, почему не пришла тётя Глаша? Что вообще здесь происходит?

Я ужасно хотела увидеть своего малыша. Взять его на руки, приложить к полной молока груди. Спеть ему колыбельную и просто смотреть, как он спит.

Халим отобрал у меня эту возможность. Украл моего сына.

Мне нужно выбраться отсюда. Нужно сбежать и найти малыша. Где бы он ни был, куда бы не увёз его Халим. Я найду его, во что бы мне это не стало. А иначе всё, что я пережила в

плёну шейха не будет иметь никакого смысла. Моё исцеление – мой малыш. Малыш, которому я даже не успела дать имя, а его вероломно отобрали. Лишили самого дорогого.

На глаза навернулись слёзы, и я всхлипнула.

– Что ты, милая? Не плачь. Всё будет хорошо, – участливо заглянула мне в лицо медсестра.

– Как вас зовут? – я стёрла со щеки слезу, посмотрела ей в глаза.

– Светлана Николаевна, – ответила та, всё так же мне улыбаясь. А я смотрела и не верила этой её улыбке.

– Светлана Николаевна, у вас есть дети?

Улыбка сошла с её лица, но женщина кивнула.

– Светлана Николаевна, вы можете представить, что кто-то украл их у вас? Просто представьте, прочувствуйте этот момент. Что бы вы сделали?

– Мои дети взрослые уже, кто их украдёт? – говорит настороженно, будто чего-то испугавшись.

– Я просто хочу с вами поговорить, как мать с матерью. Женщина с женщиной. Моего ребёнка украли, похитили и я не знаю, где он. Это сделал его отец, он же меня сюда и отправил. Он арабский шейх и он на многое способен. Прошу вас. Помогите мне выбраться отсюда. Я обязательно вас отблагодарю, у меня есть золото!

Женщина хмыкнула, забрала у меня пустую тарелку.

– Арабский шейх, говоришь? А чего не король Великобритании сразу? – издевательская усмешка Светланы Николаевны вернулась. Она мне не верила.

– Хотите сказать, что вам никто не платил за меня? – пошла ва-банк, и попала в точку. Лицо медсестры побледнело.

– Никто мне ничего не платил! Сказали тебя сюда положить, мы положили. А с остальным к врачу своему обращайся! – что-то ворча себе под нос, Светлана Николаевна пошла к двери размашистым шагом. Видимо, я выбрала неверную тактику.

– Тогда позовите мне врача! Я хочу поговорить с ним! – крикнула ей в след, поднялась с постели. Благо, сковывать меня ремнями опять пока что никто не собирался. А вот дверь снова заперли. Я зло ударила по ней кулаками и заплакала, опускаясь на пол.

– Верните мне его... Верните мне моего малыша. Я прошу вас... Верните мне сыночка...

Меня никто не слышал. Либо я действительно сошла с ума, либо здесь куплены даже стены, которые меня и удерживают. Что ж, Халим эль Хамад, я всё равно вырвусь. Вырвусь и пойду за своим сыном. Чего бы мне это не стоило. Если понадобится, я совершу здесь серию убийств, но сбегу из проклятого плена. Так как сбежала однажды от тебя.

ГЛАВА 11

Время тянулось медленно. Иногда возникало ощущение, что оно и вовсе остановилось, а я увязла в каком-то дне сурка. Я ждала психиатра, которого назначили моим лечащим врачом. Возможно, хотя бы разговор с ним внесёт некую ясность в моей нынешней ситуации. Ситуации, которую срочно нужно разрешить.

Врач пришел спустя несколько часов. Вошёл в палату, за ним забежала какая-то новая медсестричка. Помоложе и глазки покруглее. Совсем не похожа на Светлану. С такой может и выйдет договориться.

– Так, а тут у нас... Ага... Ага... – заглянул в свои бумаги, доктор поднял на меня взгляд. – Ирина, значит. Ну, как самочувствие, Ирина? – и взгляд такой равнодушный до безобразия.

– Нормально самочувствие. Когда меня отсюда выпустят? – спрашиваю сквозь зубы, потому что чувствую – это он меня здесь удерживает. Ему, значит, заплатили.

– Ну, о выписке пока рано что-либо говорить. Вы лучше расскажите мне, помните ли как сюда попали?

– Нет, я была без сознания.

– Без сознания? Нет. Вы были как раз в сознании. Кричали чтобы вам отдали погибшего ребенка и обещали всех сжечь. Помните?

– Нет, не помню, – отвечаю, сцепив зубы. Они продолжают убеждать меня, что моего малыша больше нет. Твари паршивые. Продажные, мерзкие твари.

– А сейчас что можете сказать? Вы уже смирились с утратой?

– Да, – всё так же сквозь зубы. Не дождутся! Но мне нужно выйти отсюда. Любой ценой. Чем раньше, тем лучше. Мне нужно найти своего малыша. И чем дольше я нахожусь здесь, тем меньше у меня на это шансов. Возможно, Халим уже вывез его из страны, и мне придётся постараться, чтобы вернуть сына.

От мысли, что я больше никогда не увижу своего ребёнка становилось больно в груди и воздух прекращал попадать в легкие. Неужели Халим так со мной поступит? Неужели его сердце очерствело настолько? А что, если это не он? Вдруг произошла какая-то страшная ошибка и всё, о чём мне говорят, окажется правдой?

Нет. Даже не думай об этом, Ира. Не смей. Мой сын жив. Я знаю это. Я слышала его. Он жив.

– Что ж, это хорошо. Мне очень жаль, что вы потеряли ребёнка.

– Мне тоже, – ответила я, переводя взгляд на хлопающую накрашенными глазёнками медсестричку. Выглядит полной дурой. Интересно, она сможет мне помочь?

– Отдыхайте, Ирина. Встретимся завтра.

– До свидания, – нашла в себе силы улыбнуться неприятному врачушке.

До завтра я ждать не стану. Сегодня же сбегу отсюда. У меня нет желания отлёживаться в дурке, пока мой ребёнок неизвестно где.

Я дождалась медсестру, когда та пришла, чтобы выдать мне порцию таблеток, улыбнулась ей пошире.

– И снова здравствуйте.

Она мило мне улыбнулась, протянула стаканчик с таблетками.

– Спасибо, – я выпила таблетки, показала рот медсестре.

– Вот и хорошо. Отдыхайте, – пропела она, но я встала с постели, следом, схватила её за руку. Медсестричка дёрнулась от испуга, открыла рот, чтобы позвать санитаров. С ними я уже имела дело. Хватит.

– Подождите. Как вас зовут? – снова премило ей улыбнулась и отпустила руку. В глазах медсестрички промелькнуло облегчение.

– Аня.

– Анечка, а вы не могли бы мне помочь? Мне нужно сделать всего один звонок.

Аня снова напряглась.

– Это запрещено. У нас так нельзя.

– А что, если я вас отблагодарю за это? У меня есть деньги. Много денег. Я просто позвоню одному человеку, и он принесёт деньги. Мне всего пару слов сказать.

Глаза Анечки зажглись интересом и неверием. С одной стороны она хотела бы получить на лапу, а с другой побаивалась, что я такая же чокнутая, как и все остальные здесь. Неприятностей Анечке не хотелось. А денег очень даже.

– Ну же, Аня. Никто не узнает.

– Только недолго. Минуту, – Анечка дала мне телефон, а сама отошла к двери.

Я быстро набрала номер по памяти, нетерпеливо стала ждать и отсчитывать гудки.

– Да?

– Дим, это я.

– Ира?! Ириш, как ты?!

– Дим, давай сейчас без вопросов. У меня всего минутка. Ты должен забрать меня отсюда. Сегодня же, – зашептала в трубку, чтобы не расслышала Анечка. Та встала у стены и нетерпеливо постукивает пальцами по ручке двери, нервируя меня.

– Ир, я не могу. Я пытался к тебе прорваться, но меня не пустили.

– Значит ты сделаешь это без спроса. Жди меня в машине сегодня вечером. Я буду бежать, – прошептала совсем тихо, но Дима услышал.

– Я понял. Ир... Мне жаль, что всё так вышло с твоим сыном. Правда, мне жаль.

Я выдохнула. И этот туда же. Как же им удалось обмануть столько людей?

– Мы об этом поговорим позже. Главное сейчас выбраться. И ещё, возьми тот браслет...

– Я понял, Ириш. Как стемнеет, я у тебя. Браслет возьму.

– Спасибо, – прошептала я и передала Анечке телефон. – Вечером ко мне приедет один человек. Он хорошо тебе заплатит, если поможешь мне выйти отсюда, – посмотрела на неё уже без притворной улыбки. – Заплатит золотом.

Алечка часто заморгала, открыла свой маленький рот.

– Что? Нет, это исключено. Нельзя...

– Ты уже дала мне позвонить, нарушив тем самым ваши правила. Если не хочешь, чтобы я сказала об этом врачу, поможешь мне сбежать. Меня никто не будет искать, я не преступница. У меня всего лишь случилась небольшая истерика после родов. И всё.

– Ладно... Я попробую, – Анечка попятилась к двери. – Можно идти?

Я усмехнулась.

– Иди.

ГЛАВА 12

Вот и вечер. Медперсонал за исключением нескольких санитаров и одной медсестры уходит по домам. Скоро и я буду дома. Осталось только дожидаться Диму и напомнить дуре Анечке, что она должна меня вывести на улицу. Жаль, у меня нет телефона, а дверь в палату запирается. Придётся ждать вечерний обход.

Нервно грызу ногти, кусаю губы почти до крови. Я не представляю, как дело пойдёт дальше, но знаю одно точно – я выберусь отсюда, даже если придётся прогрызть долбанные решётки. Я найду своего малыша, и никто не сможет меня остановить. Даже Халим. Что бы он не делал.

Я знаю, что он попытается сломать меня. Вернее, он уже это делает, удерживая меня здесь. Однажды ему почти удалось, там, в том страшном борделе. Но больше я не позволю играть ему с моим разумом.

Вскакиваю с кушетки, когда открывается дверь и Анечка заходит в палату.

– Вам лекарства нужно выпить, – говорит громко, а сама показывает мне дисплей своего телефона. На нём сообщение с номера Димы.

«Я тебя жду у черного входа».

Киваю Ане, и та, взглянув на камеру в коридоре, показывает, чтобы шла за ней. Красная лампочка в углу под потолком не горит.

– Камеры будут выключены ровно десять минут. Потом включатся. Я скажу, что забыла запереть вашу дверь.

Спеша за ней, думаю, что Анечка не такая уж и дура. Зря я так о ней. Думаю, её сменщица мне бы не помогла.

Уже у самого выхода, Аня тормозит и поворачивается ко мне.

– Вы же не пошутили насчёт золота? – в глазах Анечки горит жажда наживы.

– Не пошутила. Сейчас всё будет.

– Хорошо, я жду вас здесь, – подумав пару секунд, выпускает меня на улицу, и я в одном больничном халате мчусь к машине Димы.

– Браслет, Дим! – подбегаю к машине, стучусь в его окно. Стекло съезжает вниз, Дима подаёт мне браслет.

– Привет, Ириш. Слушай, а зачем тебе этот браслет?

– Надо! – выхватываю его из руки Димы и несусь обратно к Ане.

– Вот, держи! – втюхиваю ей кусок золота, не без злорадности представляя, как перекосило бы Халима, увидь он, как я разбрасываюсь его подарками.

– Спасибо, – удивлённо тянет Анечка. Но мне уже не до неё, я бегу обратно к машине. Запрыгиваю внутрь и даю Диме добро жать на газ, что он и делает, не размышляя ни мгновения.

Вывалась. Сбежала. Теперь... Теперь самое трудное.

– Дим, где мой сын? Только не говори, что он погиб, потому что это враньё. Я слышала его плач, он никак не мог погибнуть при родах. Его кто-то украл.

Дима взирает на меня, как на умалишённую, на какое-то время даже позабыв о дороге.

– Ты что? Ты серьёзно это? Ир, они сказали, он задохнулся.

– Что бы они не говорили, я знаю, что мой малыш жив. И я его найду.

– И как ты это сделаешь? – снова поглядывает на меня с опаской. Наверное, думает, что я действительно чокнулась.

– Я пока не знаю как. Но знаю, что сделаю это.

– Ир...

– Дим, нет. Молчи. Если хочешь сказать то, что твердят остальные, то просто промолчи. Мой сын жив. Я знаю это. И никто не разубедит меня в обратном. Его забрал Халим.

– Ир, это жопа какая-то. Честно. Как, по-твоему, он это провернул?

– У него хватает ресурсов. Ты же видел его подарки. А город его помнишь?

– Помню, – мрачно заключает Дима, и возвращает внимание на дорогу. – Дерьмо.

– Да уж, – вытираю слезу, скатившуюся по щеке. – Он способен на многое. Даже на такое дерьмо.

– И что ты теперь планируешь делать?

– Хороший вопрос. Сама пока не знаю. В роддом идти бесполезно. Ребёнка там больше нет. Они ведь даже не показали мне его.

– Мне они сказали, что его похоронят.

– Чушь!

– И где он по-твоему?

– Уже не здесь. Халим увёз его. Мне, скорее всего, придётся ехать в Эль-Хаджа.

– Ты с ума сошла? – Дима даже скорость сбрасывает. – Какой ещё Эль-Хаджа? Ты забыла, как оказалась там в плену?

– Я всё прекрасно помню. Но от своего ребёнка я не откажусь. Он мой сын, понимаешь? – смотрю на Диму, но каким-то образом с его стороны даже не пахнет.

– Ир, я тогда только благодаря его брату тебя вытащил. А сейчас говорят, что он в тюрьме. Понимаешь? Это всё серьёзно. Шейх может причинить тебе вред. Ты готова к этому?

– Да. Я готова.

– Ты сумасшедшая. Я уже жалею, что вытащил тебя с клиники. Бред какой-то несёшь.

Я упрямо отвернулась к окну. Меня не удержит никто. Ни толстые решетки, ни настойчивые уговоры. Для себя я уже всё решила. И никто не изменит моё решение.

ГЛАВА 13

– Ну как ты, моя хорошая? – тётя Глаша, обнимает меня, прижимает к своей полной груди, и я слышу, как сильно и часто бьётся её сердце.

– Нормально, – отвечаю тихо.

– Не передумала?

– Нет.

– А может останешься? Попробуем вернуть ребёнка так.

– Как? – отстраняюсь, заглядываю ей в глаза.

– Ну тебя же мы вытащили, – в глазах тёти Глаши теплится надежда, что всё разрешится.

А я уже сомневаюсь.

– Это другое. Малыш не может сам сбежать.

– Ты хоть представляешь, как сложно мне будет спасти тебя снова? Если вообще возможно? – Дима смотрит на меня исподлобья. – Думаешь, он тебя отпустит во второй раз? Да он тебя в клетку посадит!

– Значит, будет так, – я оглядываюсь на табло, сжимаю в руке сумочку. – Я не откажусь от своего сына. Ни за что.

Дима качает головой, ругается матом.

– Дура! Ты осознаёшь хотя бы, насколько ты дура?! – кричит на меня, отчего на нас начинают оборачиваться прохожие.

– Началась регистрация на рейс. Я пойду.

– Ира! – он хватается меня за запястье, сильно сжимает. – Одумайся. Это последний шанс! Тётя Глаша плачет и удерживает меня за вторую руку.

– Прекратите, прошу вас. Я вернусь. Как только заберу своего сына, – в это я, конечно же, не верю. Халим не отдаст мне сына просто так. Скорее всего меня ждёт очередное наказание, и кто знает, насколько он на меня зол. О том, как сбежать оттуда с ребёнком я не имею понятия. Но точно знаю – он не отдаст его никому. Я сама должна явиться. Этого он ждёт.

Посадка на рейс заканчивается, и я тороплюсь к стойке, чтобы успеть. Дима и тётя Глаша смотрят мне в след. Она со слезами на глазах, он зло. А мне уже всё равно. Лишь бы коснуться своего малыша, лишь бы прижать его к груди. Уверена, мне придётся нелегко, поэтому я и еду одна. Присутствие Димы лишь всё осложнит.

Взлёт, и я закрываю глаза. Всего несколько часов, и я на месте. Знаю, Халим меня ждёт. И я не буду больше бегать и прятаться. Приеду прямо в его резиденцию, и будь что будет.

Открываю глаза и понимаю, что мы садимся. А ещё понимаю, что дороги назад нет. Только вперёд. Только к нему. К человеку, пленившему не только моё тело, но и душу.

У трапа несколько чёрных машин и люди в строгих костюмах. Я замедляю ход, потому что вижу знакомого телохранителя. Затем ещё одного и ещё. Я знаю этих людей.

Резко оборачиваюсь назад, но понимаю, что деваться некуда. Я, собственно, за этим и ехала. Так к чему бежать? Да и некуда.

Выдыхаю, спускаюсь с трапа и иду прямо к ним в руки. Все как один опускают глаза, склоняют головы. Водитель одной из машин открывает для меня дверь. И я, втянув в себя побольше воздуха, ныряю внутрь салона. Меня ждали, значит.

Вот и всё, Ира. Забудь своё настоящее имя. Ты снова Райхана.

Меня куда-то везут, на вопросы куда именно – не отвечают. Я сжимаю дрожащие руки в кулаки, считаю до десяти. Помогает так себе.

За нами и по бокам едут остальные машины, а я думаю, зачем так много. Мне бы хватило и одного водителя. Я ведь сюда сама явилась. Но Халим, как обычно, поступает вопреки моей логике. Как всегда противоречиво и дико странно.

– Просто скажите, мы едем в резиденцию эмира? – снова пытаюсь, и на этот раз получается.

Водитель бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида.

– Нет, госпожа. Эмир пожелал видеть вас в другом месте.

– Ясно, – понимаю, что большего из него не вытащить. Что ж, осталось дожидаться пункта назначения.

Всё тело подрагивает и сводит судорогами. Я не верю, что снова его увижу. Что я ему скажу? И что скажет он? Увижу ли я сына сегодня? Возьму ли его на руки? Хотя как-то оправдается эта поездка в лапы к монстру или нет?

Спустя час езды мне уже хочется сбежать. Только мысль о сыне не даёт попросить их остановиться. Уверена удерживать меня никто не станет. У них не было такого приказа. Халим знал, что я примчусь за малышом. Знал и ждал этого.

Но тем не менее следил за мной. Иначе откуда он знал, когда именно я прилечу? Хитрый и коварный эмир всегда всё знает. От него невозможно что-то скрыть. Как тогда, когда я бежала. Он ведь мог меня остановить, но не стал. Знал, что я вернусь. И о ребёнке знал. Он всегда всё знает.

Дом, к которому меня привезли, я ещё не забыла. Здесь я отбывала своё наказание после первой попытки сбежать.

– Мы прибыли, госпожа, – объявил водитель и кто-то из телохранителей открыл мне дверь.

– Прошу, госпожа. Следуйте в дом.

ГЛАВА 14

– Здравствуй, моя госпожа, – у входа меня встречает прислуга во главе с Саадат. Она улыбается и, кажется, рада меня видеть. А я... Я пока не знаю, что чувствую.

Побита и раздавлена. Хочу плакать и увидеть, наконец, своего кроху.

– Здравствуй, Саадат. Ты знаешь, где он? Мой сын?

Она смотрит на меня с теплом и лаской, только что мне ответить не знает. Кивает прислуге, чтобы те шли заниматься своими делами. Подходит ко мне.

– Госпожа, мы в этом доме с тех пор, как ты уехала. Иногда к нам приходят вести из резиденции, но о ребенке я ничего не знаю. Слышала лишь, что теперь Давия там живёт. Твоё место заняла, как и хотела.

Я порывисто обнимаю Саадат, та отвечает мне тем же. Долго стоим так, и я, наконец, смаргиваю первые слезы. Отстраняюсь, осматриваю дом. Он выглядит пустым и неудобным. Как и раньше. Ненавижу его.

– Где шейх Халим? Он здесь?

– Нет, госпожа. Он здесь не бывает.

– Тогда зачем меня привезли сюда?

Саадат невесело усмехается.

– А ты как считаешь?

Я не считаю. Я знаю. Знаю, что Халим снова будет меня наказывать. Иначе его задетое самолюбие не утешить.

– Какие распоряжения ты получила насчет меня? – интересуюсь осторожно, потому что от Халима эль Хамада можно ожидать чего угодно.

– Лишь служить тебе и оберегать, – отвечает Саадат, и я в её тоне улавливаю обиду. – Как и всегда, моя госпожа. От того, что ты покинула нас однажды ничего не изменилось. Эмир не развёлся с тобой и вряд ли сделает это когда-нибудь. Ты ведь мать его ребёнка, так? Ты поэтому вернулась? Он забрал ребёнка?

– Да... забрал.

– И кто это? Мальчик или девочка?

– Мальчик, – чувствую, как начинает драть горло от проглоченных рыданий. – Мой мальчик. Они даже не дали его подержать. Забрали. Выкрали.

– Не выкрали. Вернули домой, – поправляет меня Саадат. – Его место здесь, потому что он наследник эмира.

– Он мой сын! – вскрикнула я, отчего Саадат вздрогнула. – Я его родила! Я его вынашивала под сердцем! Он мой! И эмир отдаст мне его, иначе... – я задохнулась и замолчала. Я не смогу ему противостоять. Никогда не могла.

– Мой тебе совет, Райхана. Не разговаривай в подобном тоне с эмиром. Он и так зол на тебя. Проси его дать тебе сына. Слезно умоляй на коленях. И тогда, быть может, он даст тебе ребёнка.

Саадат ушла, а я ещё долго стояла у распахнутой двери. Меня больше не удерживали силой, не запирали двери. Меня не замечали охранники, стоящие на пороге и даже если бы я решила уйти отсюда прямо сейчас – никто не попытался бы меня задержать.

Всё дело в том, что я сама сюда приехала и сама же изъявила желание остаться. И это не изменится, пока я не увижу шейха эль Хамада. Я верну своего малыша, чего бы мне это не стоило.

Поднимаюсь наверх, захожу в свою спальню. Здесь всё готово к моему приезду. Даже не сомневалась.

Ложусь на кровать в позе эмбриона, закрываю глаза. Главное выдержать. Главное не сорваться и не явить эмиру свою слабость. Пусть наказывает меня, пусть мстит. Но пусть отдаст мне моего сына.

Не замечаю, как проваливаюсь в сон. Тяжёлый такой, тревожный. Меня будто поглощает какая-то тьма. Я пытаюсь сопротивляться, отбиваюсь и выползаю из темноты, а потом вскакиваю с криком и в ужасе смотрю на Саадат.

– Я тебе обед принесла, госпожа. Поешь, ты очень исхудала.

Падаю обратно на подушку, закрываю глаза рукой.

– Я не голодна. Спасибо.

– Как знаешь, но я на твоём месте прекратила бы страдать и позвонила эмиру.

Я знаю, что своими слезами ничего не добьюсь. Но и звонить Халиму не тороплюсь. Я не знаю, что ему сказать. Да и стоит ли? Он ведь знает, что я здесь. Не может не знать. И чего тогда он выжидает? Что я прибегу к нему на поклон?

Скорее всего так и есть. И я прибегу, если мне будет позволено. Что угодно сделаю, лишь бы увидеть сына. Достая телефон, отправляю сообщение тёте Глаше, что у меня всё нормально. Нахожу номер Халима и рука начинает дрожать. Однако я успеваю нажать на кнопку вызова. Гудки идут один за другим, но мне никто не отвечает.

Перезваниваю снова. И опять тишина. Он специально игнорирует или просто занят? В груди становится тесно сердцу. Оно стучит, как ошалевшее.

– Он не отвечает... Почему он не отвечает?

– Похоже, эмир пока не готов тебя слышать и видеть. Иначе уже сам устроил бы встречу, – констатирует Саадат, добивая меня.

ГЛАВА 15

День за днём я жду его у окна. Прошло уже пять дней с тех пор, как я приехала в Эль-Хаджа. Но Халим так и не появился. Ехать в его резиденцию мне не позволила охрана, заверив меня, что эмир приедет сам, когда посчитает нужным.

Пыхтя от злости, как вскипевший чайник, я то и дело бегаю к окну, чтобы глянуть, не приехал ли он. И он, скорее всего, знает, как я его жду. Но приезжать не торопится.

– Твой обед, госпожа, – передо мной появляется Саадат с подносом еды. Аккуратно выставляет всё на столик. – Поешь, наберись сил. Они тебе понадобятся.

– Если бы от меня хоть что-то зависело. Я нахожусь рядом с сыном, но увидеть его не могу. Это ли не наказание? Сколько ещё он будет меня мучить?

– Напиши ему. Расскажи о своих чувствах. Расскажи, как тебе больно. Он не зверь. Поймёт и утешит тебя.

Кривлюсь, будто съела лимон. Я уже писала ему. Угрожала и просила, проклинала и снова умоляла. Он не ответил ни на одно из моих сообщений. Он всё же зверь. Жестокий и бездушный.

– Это не поможет. Я уже писала ему.

– Пиши ещё. Проси его простить тебя. Каждый день проси. Он любит тебя, Райхана. Я видела, как он страдал, когда ты сбежала. Он сам не свой был. Давия этим и воспользовалась. Задурила ему голову своей заботой. Он оставил её жить там. Так что, вполне возможно, сейчас она воспитывает твоего ребёнка. Она на всё пойдёт, лишь бы завладеть сердцем эмира.

Саадат уходит, и я остаюсь наедине с обедом, который не лезет в горло от мысли, что моего сына сейчас трогают руки змеи Давии. Я не удивлюсь, если она вдруг решит отравить или задушить малыша в его кровати.

Хватаю телефон, быстро набиваю текст в поле сообщения.

«Я знаю, что поступила подло. Ты думаешь, что я предала тебя, но это не так. Я лишь хотела на свободу. Родить своего малыша на воле, а не в золотой клетке. Ты давал мне многое, я знаю и ценю это. Но ничто не заменит свободу. Никогда. Я прошу тебя, верни мне моего малыша. Я соглашусь на всё, что ты захочешь. Любое наказание. Только не наказывай меня сыном. Это жестоко. Я жду тебя этой ночью, как жду каждый день. Прошу, давай поговорим.»

Отправляю сообщение, смагиваю слезу. А ведь я сама признала, что поступила подло. Я сбежала, когда он этого не ожидал. Выпорхнула из клетки и улетела. А ему пришлось это принять. Но эмир эль Хамад не из тех, кто просто так принимает поражение. Он будет мстить мне, пока я не сойду с ума от его игр. Пока не упаду на колени и не поползу в его резиденцию на четвереньках. Сейчас он добивается именно этого. И я почти готова. Только бы моему сыну никто не навредил. Ни одна мать такого не вынесет.

Ответ жду ещё пару часов, а потом снова набираю его номер. И снова бесполезно. Вечер застаёт меня на балконе, где я смотрю на закат и тихо плачу от навалившейся грусти. Я бы сейчас на многое пошла, лишь бы он приехал. Или хотя бы ответил мне, чтобы я знала, что ору не в пустоту.

Из моей комнаты забирают нетронутый обед и приносят ужин, но еда по-прежнему остывает на столе. Мне не хочется есть, не хочется пить. Лишь слышу тот первый крик моего малыша и потихоньку схожу с ума.

Засыпаю уже ночью, снова свернувшись на кровати калачиком. Мне снятся Дима с тётей Глашей, оба ругают меня за то, что вернулась к Халиму. Приходит и он. Стоит и буравит меня своим чёрным взглядом. Где-то плачет малыш и я зову его, бегу, спотыкаюсь и падаю, но его крики отдаляются с каждой секундой.

Вскакиваю с криком, зажимаю рот ладонью. Так хочется орать до посинения. Орать, пока он, наконец, не расслышит.

Наливаю себе в стакан воды, делаю несколько глотков. В комнате душно и жарко, нужно включить кондиционер. Беру пульт, ставлю на минимальную температуру и встаю, чтобы приоткрыть ненадолго окно. Проветрив, закрываю его и застываю в темноте.

Я не одна. Чувствую это всем телом. Кто-то стоит прямо за моей спиной. От ужаса скывает конечности и пропадает голос. Однажды я чувствовала подобное, когда убийца пришёл, чтобы задушить меня. До сих пор ощущаю на шее верёвку.

– Кто здесь? – задаю вопрос, глядя во мрак. – Я сейчас закричу.

Слышится смешок. От него волоски на коже становятся дыбом.

– Кто ты?! – повышаю голос.

Кто-то зажимает мне рот, приставляет к горлу нож. Скользит лезвием по шее, и я узнаю его. Мужчину, который меня удерживает. Его запах, прикосновения, холод лезвия в его руках... Да, это Он. Пришёл за тем, что принадлежит ему.

ГЛАВА 16

– Здравствуй, Райхана, – звучит шёпот, от которого по телу разбегаются мурашки. Слишком хорошо знаю его. Знаю, что сейчас он возбужден. И мне это на руку. Значит, его помешательство не прошло.

– Здравствуй, Халим, – мой голос не дрожит, хотя колотит всё тело. И он не может этого не чувствовать.

– Скучала? – чуть вдавливая лезвие в кожу, упирается эрекцией в мою спину. От него пахнет алкоголем и дымом кальяна.

– Да, – говорю правду. Я действительно скучала по этому чудовищу. – Где мой сын, Халим? Это ведь ты его забрал.

– Это и мой сын! – хватает меня за шею сзади, грубо разворачивает к себе.

– Да, твой. Но не только твой. Это я носила его под сердцем. Я его рожала. Ты не можешь просто взять и лишиться его матери, а меня сына. Ты ведь не такой, Халим. Я знаю, что ты меня любишь. Какой-то дико странной любовью, но всё же любишь. Ты не можешь так поступить со мной.

– Сейчас мы будем говорить не обо мне, Райхана. А о тебе. Расскажи мне, с кем ты спала, пока была вдали от меня? – я не ошиблась, он действительно пьян. Причём сильно.

– Я не спала... Ни с кем. У меня никого не было.

– А как же Дмитрий?

– У меня с ним ничего не было. Он лишь помогал мне собрать себя по кусочкам, после того, что ты сделал со мной, – поднимаю глаза на его лицо, и по телу проходит волна дрожи. Как же я, оказывается, скучала по нему. По этому страшному, сумасшедшему взгляду, по чёрным, густым бровям. По гордому профилю... Я скучала по нему.

– Что ж, – он ещё пару секунд изучает моё лицо, а после притягивает к себе. – Я тебе верю, не смотря на то, что ты обманщица. Верю, что с ним у тебя ничего не было. Иначе, я бы тебя уже убил.

Сглатываю. Знаю, что не шутит. Он убил бы.

– Покажи мне сына. Прошу, – касаюсь его губ своими пальцами, провожу по ним ласково и нежно.

Он на секунду закрывает глаза, а потом, убирает мою руку.

– Ты лгунья, Райхана. Грязная лгунья. Но я не могу понять, зачем тебе ребёнок от меня? Разве ты не хотела свободы? Разве я не подарил тебе эту твою свободу? Так зачем ты вернулась? – приподнимает моё лицо, сдавливая пальцами щеки. В каждом его жесте грубость и злость. Как же его зацепил мой побег. Что он делал всё это время, пока я вынашивала нашего ребёнка? Почему не вернул меня сразу же, если так хотел?

Или не хотел? Пытался забыть, как и я его? Верится с трудом.

– Я вернулась за своим сыном.

– Он мой наследник.

– Я не собираюсь его забирать или бежать с ним. Ты можешь приставить к нам охрану. Только дай мне его... Позволь прижать к груди. Я ему нужна! – срываюсь на крик, потому что его желание причинить мне как можно больше боли злит. Как и отношение ко мне. Всё та же вещь и шармута, не смотря на то, что родила ему сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.